

Великая Отечественная: 55 лет спустя

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная
библиотека

К ЖИЗНИ - БЕЗ ВРАГА И НЕНАВИСТИ!

Екатеринбург
2000

ББК 78.342

К 11

Редакционная
коллегия:

В. Арсентьева

М. Ивашина(отв. ред.)

Е. Кямкина

И. Сатымова

К жизни - без врага и ненависти!: Метод. рекомендации/
Свердл. обл. межнац. б-ка.- Екатеринбург, 2000-44с.

ББК 78.342

© Свердловская областная
межнациональная
библиотека, 2000г.

«Жизнь разнообразна... Ничего-то ты не знаешь. Да и не надо тебе об этом знать. И народ наш пусть не все про войну знает. Крепче духом будет, чище телом».

Астафьев В. «Обертон»

Люди уходят войну и сражаются – вместе. Вместе, несмотря на то, что войну Отечественную вынужден вести народ, одновременно уничтожаемый войной гражданской. Возвращаются с войны и тем паче оплачивают ее - поодиночке.

В 1995 году в связи с пятидесятилетием Победы антигитлеровской коалиции – и прежде всего Советского Союза – целый ряд писателей–фронтовиков говорили об особенностях адресного функционирования литературных произведений. Жанр «военной прозы» в конце XX века, чтобы иметь успех, непременно должен опираться на определенный «горизонт ожиданий», должен предугадывать «потенциал восприятия» массового читателя.

«К жизни – без врага и ненависти». Как привыкнуть к этому новому горизонту ожиданий? Как изменить сам фокус усилий военной прозы, имевшей дело прежде всего с ненавистью, с яростью, вскипавшей как волна, пусть и «благородной яростью»?

Виктор Астафьев говорил о необходимости развенчать все то «агрессивное и зверское в человеке», которое «звергает в пучину толпы человеческого сообщества, пробуждает в нем первобытные инстинкты. Особенно это ощутимо в нашей несчастной стране, так много претерпевшей и утратившей доброе начало по причине войн, междоусобиц, насилия и присутствия коммунистического сатаны на русской земле, не знающего ни креста, ни Бога, ни совести».

Все свои мысли Астафьев еще более углубил и детально развил в своих последних повестях «Обертон» и «Веселый солдат». И если в «Обертоне» судьба главного героя лишь воспринималась как возможная, но не состоявшаяся, ухудшенный вариант судьбы автора: скромный, обтесанный жизнью обычайший трудяга, как сквозь сон вспоминающий давнюю невероятную – обертонную – любовь.

Автобиографизм же «Веселого солдата» выдержан от первой до последней строки. «Сидя на санях», как выражались в старину, Астафьев не просто инвентаризует беды и неурядицы своей жизни, вспоминает ошибки и промахи, реже – радости и удачи, но пытается в череде событий и дел увидеть то единственное, которое стало главным, определило судьбу. Сюжет прорисовывается едва-едва. Всплывают отдельные яркие сцены. Возникают иногда драматические эпизоды. Но все остывает, не развившись, гаснет без продолжения. Как в жизни. Повествование течет по прихоти памяти, медленно, с зигзагами отступлений и провалами умолчаний: «Память моя – что кочегар на старом пароходе, - усмехается Астафьев, - шурует и шурует уголь в топку, а куда, зачем и как идет пароход – нижней команде не видно, ей лишь бы в топке горело, да лишь бы пароход шел». И кажется порой, что на капитанском мостике никого нет.

Можно сказать, что веселый по молодости солдат, вернувшийся с Отечественной войны и ждавший теперь только улыбок и радости, под грузом бед и забот вполне мог превратиться в печального. Оглянувшись вокруг, герой повести увидел, что вернулись, чтобы строить новую жизнь, люди нездоровые – раненые, контуженные, чахоточные, изо дня в день горе мыкающие, - где же взять здоровых и цветущих детей?

Все те же вопросы задают герои обеих повестей Астафьева. Зачем спасаться на войне? Рожать детей? Зачем жить все время на краю? Все время в обмане, нищете, голоде, страхе? Зачем?

Василь Быков ожидает, что контакт с читателем 90-х годов усилит исследование проблемы украденной Победы, вопроса «что такое «Сталин и сталинизм».

«За 50 лет, прошедших после войны, общественное сознание, несомненно обогатилось новым опытом, в свете которого несколько по-иному стали видны «сияющие» грани нашей давней Победы. Приходится признать удивительную наивность нашего общественного взгляда тех лет, зашоренность нашего политического сознания. Это относится в полной мере и к нам, тогдашним 18 - 20 - летним, и к тем, кто был постарше. Мы, разумеется, никогда не пылали «всенародной любовью» к великому Сталину, как это теперь некоторым представляется. Наш малый опыт довоенной жизни уже тогда позволял понимать, что такое Сталин и сталинизм. Но нам очень хотелось надеяться, что после такой победы Сталин и сталинизм изменятся по отношению прежде всего к собственному народу, к нам, победителям, признают за нами право на лучшую жизнь. Теперь мы видим, какими наивными были наши надежды и какими глупыми были наши мечты». Ведь вместе со спасением родины солдат 1945 года спас и всю вновь расцветшую номенклатуру. Спас и проектируемую, «плановую» историю.

В последнее пятилетие правда о войне, постигаемая Василем Быковым, становится все объемнее и масштабнее. Это правда о сталинском приказе 1941 года «Ни шагу назад!» («Полководец Коломиец»), это правда о партизанском движении («Довжик»), это правда о предательстве и недоверии («Зенитчица», «Очная ставка») и еще много - много какой правды. Геройски выдержав бой за жизнь как мужественный солдат Отечественной войны, Василь Быков честно, совестливо продолжает неуступчивый бой за правду как писатель.

Впечатляющее открытие в «военной прозе» было совершено **Анатолием Азольским**. На войне необходимость противников в течение долгого времени делать одно и то же – стрелять, окапываться, хоронить, ждать писем, бить вшей, добывать прокорм – как будто уравнивает противостоящих, делает почти неразличимыми. Всех – от солдат, месяцами мерзнущих в окопах напротив друг друга, до маршалов, мотивы поведения которых легко угадываются противниками по аналогии с своими собственными.

Следующим этапом становится рождение у воюющих ощущения войны как тяжкого кошмара «коллективного самоуничтожения людей».

Став бытом, война начинает казаться бесконечной, теряет изначальные смыслы. И на этом этапе возникает и складывается еще одна форма противостояния – уже не с противником, а с самой войной.

Предлагаемый вам материал – сценарий вечера памяти в библиотеке - построен на текстах художественных произведений последних пяти лет, авторами которых являются упомянутые три фамилии. Тексты оформлены в виде писем с фронтов Великой Отечественной (материал потому так и называется «И почтальон сойдет с ума...»).

Мероприятие можно провести в виде вечера памяти, мини – спектакля, литературной встречи. Из выбранных произведений внутри выделены основные темы, которые волнуют авторов. Использовать можно не весь материал сразу, а по темам провести неделю, посвященную великой победе, каждую тему обсудить с участниками. В начале каждой темы приводятся отрывки из сообщений Совинформбюро. Насколько они были правдивы в то время, как отражали суть войны? По этому поводу в голову приходит такой пример. В тяжкую осень 1941 года, когда немецкая броня, пройдя Белоруссию, оставив позади себя Смоленщину, окружив Ленинград плотным блокадным кольцом, вышла на ближайшие подступы к Москве, Василий Гроссман зафиксировал в записной книжке: «Просматривали комплект фронтовой газеты. В передовой статье вычитал такую фразу: «Сильно потрепанный враг продолжал трусливо наступать».

С целью показать два полюса отражения войны: как подавала события советская пропаганда того времени, и как эти события воспринимал простой русский солдат, обусловлено то, что каждая тема начинается сводкой.

«И почтальон сойдет с ума...»

Письма Великой Отечественной с фронта и на фронт – это документы мужества, героизма и патриотизма русских людей, одно из проявлений единства фронта и тыла. Письма отправлялись в тыл из окопов Подмосковья, Аджимушкайских катакомб в Крыму, были написаны после боев. Письма Великой Отечественной с фронта и на фронт – это документы мужества, героизма и патриотизма русских людей, одно из проявлений единства фронта и тыла. Письма отправлялись в тыл из окопов Подмосковья, Аджимушкайских катакомб в Крыму, были написаны после боев в Белоруссии, на Украине и в Литве, из предгорий Кавказа, из Сталинграда и на заключительном этапе войны шли на Родину из Польши, Чехословакии и других стран Европы. Весточки в тыл доходили иногда из партизанских краев. Фронтовые «треугольники» отличала простота, искренность и краткость содержания. В них было много чувства, внутренней убежденности и нравственной силы. Письма фронтовиков к матерям, отцам, детям, женам, невестам, друзьям и товарищам по работе рассказывали о любви фронтовиков к родным и близким, о готовности постоять в бою за свою семью, за Родину. Часто перед атакой воины оставляли письма – завещания. «Идя в бой, - писал солдат С.Волков, - я обязуюсь до последнего вздоха биться за честь и независимость своей матери – Родины. Сам я беспартийный. Но если в бою прольется моя кровь, считайте ее кровью коммуниста...» (Правда, 1942. – 12 февраля.)

Такие письма писали в те горячие, трагические годы. Прошло 55 лет. Время размышления, осмысления, объективной оценки тех событий. Бывшие лейтенанты, а ныне всем хорошо известные писатели В.Быков, В.Астафьев пишут о войне, и война у них совершенная иная, чем война у писателей предыдущих лет. Какие бы письма писали они домой сейчас? Попробуем написать фронтовые письма по их произведениям.

«Ни шагу назад!»

От советского

Индор.т.бюро. В течение ночи на 30 октября наши войска продолжали вести бои с противником на Волоколамском, Можайском и Малоярословецком направлениях.

Сдерживая наступление противника, одна наша часть, оперирующая на Волоколамском направлении, за четыре дня боев уничтожила 27 немецких танков, 18 бронемашин, 120 автомашин с военными грузами и свыше 900 вражеских солдат.

Группа самолетов одного нашего авиасоединения, действующего на южном фронте, успешно атаковала крупную мотоколонну противника. Бомбами и пулеметным огнем уничтожено 120 немецких автомашин и до двух батальонов вражеской пехоты.

Листья голы: «Вчера прискакал порученец комдива и вручил под расписку приказ Верховного 227 под девизом: «Ни шагу назад!». Умри, но не отступи. Это касалось всех – от командарма до последнего бойца, что бы он ни оборонял – город, станицу или такой вот разбитый, почти сравненный с землей разъезд. Порученец сообщил также, что уже есть и результаты неисполнения приказа: в соседнем полку отдали под трибунал одного комбата и расстреляли на месте ПНШ по разведке. Конечно, бойцу что – бойца за отступление под трибунал, может, и не отдадут, отдадут командиров. Но больше, чем от командиров, исполнение приказа все-таки зависит от бойцов: побегут в горький час или выстоят? Если побегут, не стерпев, тогда, считай, все пропало, - попробуй, удержи их среди этой голой, прогорклой от полыни степи».

Ведущий: «Другое дело, как все объяснить, какие употребить слова, чтобы успешнее дойти до солдатского сердца, особенно когда враг рядом, времени в обрез, а оружие...

- Садитесь все, - сказал политрук. – И ближе ко мне. Слышали про новый приказ товарища Сталина?

- Слышали... Говорили, - глуховато отозвалось несколько голосов

спереди. Бойцы старательно и не спеша усаживались в пересохшем степном бурьяне. Политрук несколько выждал, пока утих шорох, и начал беседу притихшим голосом, по возможности сердечнее, чтобы лучше воздействовать на возбужденные души людей, внимательно ловивших каждое его слово.

- Товарищи, коварный враг уже в сердце нашей родины, и товарищ Сталин издал приказ: ни шагу назад! Мы должны умереть, чтобы этот приказ выполнить, назад пути для нас нет...

Он и еще говорил, стараясь как можно проще и доходчивее, но что-то у него получалось не так, как хотелось. И он был недоволен своими словами, казавшимися теперь не теми и не такими.

- Мы, бойцы Красной армии, исполняя присягу, должны стойко переносить все тяготы и лишения и победить. Мы и победим! Мы выстоим, товарищи, и выполним приказ товарища Сталина, скрутим рога Гитлеру и добьемся счастливой жизни. Хорошая жизнь настанет, - почти вдохновенно произнес он вполне вдохновенные слова. Но его слушатели почти не отреагировали на них и угрюмо молчали, словно были не здесь, а где-то совсем в другом месте. И он почувствовал это.

- Знаете, и колхозов не будет. Распустят колхозы, чтобы жили как прежде. Как жили при Ленине, - вдруг неожиданно для себя окончил политрук, внутренне содрогнувшись от собственной неожиданной решимости. Люди перед ним как-то странно и вовсе притихли в темени, никто не кашлянул, даже не шевельнулся в бурьяне, и это его взбодрило.

- Не будет колхозов, я вам говорю, будет иная жизнь, только бы нам выстоять нынче, как требует товарищ Сталин. Ни шагу назад!».

Письмо домой: «Выложил все свои пропагандистские козыри. Несколько, правда, фальшивые козыри, сам понимал это, но и самые эффективные, других козырей не было. И сам был готов поверить в сказанное. Наверно, должно быть так. Потому как же иначе? Остальное уже зависело не от меня – зависело от противника, фронтовых обстоятельств, этих вот измотанных саратовских мужиков, недавно, еще перед войной, переживших такое, что не дай бог никому. В госпитале один командир потихоньку рассказывал, как в тридцатые на Саратовщине вымирили

колхозные села. Случалось, люди питались человечинной, такой лютовал голод. Имея такое в памяти, вряд ли возможно выстоять и выполнить приказ. Даже самого господа бога».

Ведущий: «Плохая новость настигла Полководца по дороге в хозяйство Мельникова, с КП по радиации передали: на правом фланге неустойка – немцы контратаковали крупными силами, отбросили пехоту за речку. Полководец развернул карту и приказал поворачивать на рокадную дорогу – ехать на правый фланг. На месте Полководец выскочил из машины, немного выждал, а потом, пригибаясь, перебежал выше и упал на сухие вересковые поросли. Перед ним впереди разворачивалась широкая панорама приречной поймы и на ней – позорное зрелище беспорядочного драпа.

Сколько раз за войну приходилось Полководцу наблюдать этот драп, но привыкнуть к нему Полководец не мог и обычно без колебания пользовался испытанным средством. На ошеломленных, обуянных страхом людей следовало воздействовать еще большим страхом из всех, которые могла предложить война».

Письмо дотой: «Бой гремел рядом, за леском, где по широкой заболоченной пройме протекала небольшая речушка. Кто мог предположить, что немецкие танки именно тут и ударят. Не хватало им ровняди, что ли? Или уже научились у нас нашей азиатской смекалке? Так или иначе, но факт оставался фактом – ударили именно тут, в этом мало пригодном для того месте. И, как на беду, фронт на этом участке оказался ослабленным: вчера бригаду Черемисина перебросили в центр, на усиление передового отряда. Пехоте без подкрепления, конечно, пришлось несладко, вот она и не выдержала. Но обязана была выдержать, на то она и пехота, чтобы всегда выдерживать. Таково ее предназначение во всякой войне и во всякой армии».

Ведущий: «Старший сержант из охраны привел к Полководцу офицера. Раненный, с небрежно перевязанной головой, спасая орудие, он на свою беду перебрался через речку. Это был старший лейтенант с орденом Отечественной войны на груди. Увидев Полководца, он попытался отрапортовать:

- Товарищ командующий...

Полководец перебил его тоном, лишавшим голоса не только комбатов:

- Где батарея?

- Батарея погибла, товарищ ко...

- Ах, погибла! – Прорычал полководец. – А почему ты, говнюк, не погиб?

- Так я...

- Документы!

Грязными перепачканными в болоте руками старший лейтенант расстегнул пуговку гимнастерки и вынул из кармашка несколько книжечек – офицерское удостоверение, партбилет, вещевую книжку. Их тут же выхватил у него старший сержант, передал трибунальщикам.

- Расстрелять! – холодно приказал Полководец.

Старший сержант отвел комбата в соснячок, где вскоре щелкнул негромкий одиночный выстрел».

(*Быков В. Политрук Коломиец
Полководец: Рассказы // Звезда. – 1999.
- № 5. – С.6 – 15.*)

«Они сражались за Родину»

От советского

Лицезор.т.бюро: В течение 27 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков фронтов наши войска, ведя бои с противником, продолжали продвигаться вперед, заняли ряд населенных пунктов и в том числе города Лихвин, Высокипичи, Новосиль, Тим.

Часть тов. Мартиросяна, действующего на одном из участков Западного фронта, в упорном бою с противником захватила 3 немецких танка, 12 орудий, 15 минометов, 10 пулеметов, 120 автомашин и 6 мотоциклов.

На другом участке фронта наши бойцы за один день истребили 700 немецких солдат и офицеров. Захвачены трофеи: орудий 14, автомашин 48, пулеметов 7.

Наша часть, действующая на одном из участков Южного фронта, за один день боев выбила противника из 10 населенных пунктов. Враг понес большие потери в людях и вооружении. Только подразделения тт. Рыжова и Василенко захватили 20 орудий, 8 пулеметов, 7 автомашин, 1350 снарядов, 50 тысяч патронов и взяли в плен 218 итальянских солдат и офицеров. На поле боя осталось сотни вражеских трупов. Наши бойцы, действующие на одном из участков Ленинградского фронта, освободили от немцев населенный пункт П. И захватили 2 вражеских танка, 8 орудий, 3000 мин, 5500 снарядов, 3400 гранат, 200 тысяч патронов и другое военное имущество.

Гранатометчики лейтенанта Малыгина в одном бою уничтожили два немецких пулеметных расчета и 6 автоматчиков. Красноармейцы Петров и Михайлов истребили свыше 40 вражеских солдат.

Ведущий: «Обстрел длился всю ночь – то ослабевая, вроде даже прекращаясь на несколько минут, то вдруг разгораясь с новой силой. Били преимущественно минометы. Их мины с пронзительным визгом

разрезали воздух в самом зените неба, визжание набирало предельную силу и обрывалось резким оглушительным взрывом вдали. Били большей частью в тыл, по ближнему селу, именно туда в небе устремлялся визг мин, и там то и дело вспыхивали отблески разрывов. Тут же, на травянистом пригорке, где с вечера окопались автоматчики, было немного тише. Наступление вроде выдыхалось, за вчерашний день взяли только до основания разбитое, сожженное село и на этом бугре засели. Начальство тоже перестало подгонять: в ночь к ним никто не наведался – ни из штаба, ни из политотдела, – за неделю наступления также, наверно, все вымотались. Но главное – умолкла артиллерия: или куда-нибудь перебросили, или кончились боеприпасы. Вчера постреляли недолго полковые минометы и смолкли. В осеннем поле и затянутом плотными облаками небе лишь визжали на все голоса, с треском ахая, немецкие мины, издали, от леска, стреляли их пулеметы. С участка соседнего батальона им иногда отвечали наши «максимы». Автоматчики больше молчали. Во-первых, было далековато, а во-вторых, берегли патроны, которых также осталось не бог знает сколько. У самых горячих – по одному диску на автомат. Помкомвзвода рассчитывал, что подвезут ночью, но не подвезли, наверно, отстали, заблудились или перепились тылы, так что теперь вся надежда оставалась на самих себя. И что будет завтра – одному богу известно. Вдруг поперет немец – что тогда делать? По-суворовски отбиваться штыком да прикладом? Но где тот штык у автоматчиков, да и приклад чересчур короткий».

Письмо домой: «Немцы перебежками пошли вперед, приближаясь к лесу. «Залечь! Всем залечь!» - разнеслось по опушке. Прекратив огонь, мы попадали на дно ячеек щелей, ходов сообщений. Немцы подумали, что мы тоже драпанули, как наша доблестная пехота, поднялись, радостно загомонили, затрещали автоматами – и тут их накрыло залпом гаубиц нашего и соседнего дивизионов. Не знали немцы, что за птицы на опушке-то расположились, что не раз уже этим артиллеристам приходилось быть открываемыми пехотой и отбиваться самим, там же «наших бьют», а многие «наши» шли вместе от русской реки Оки и до этой вот польской бедной землицы, знали друг друга не только в лицо,

но и как брата знали – брата по тяжелым боям, по непосильной работе, по краюшке хлеба, по клочку бинта, по затяжке от сигарки».

Ведущий: «Совсем недавно еще народный маршал по весенней слякоти погнал послушное войско догонять и уничтожать ненавистную и страшную Первую танковую армию врага, увязнувшую в грязи под Каменец - Подольском. Но грязь и распутица, она не только для супротивника грязь и распутица, да еще грязь украинская, самая родливая и вязкая. Застряла и наша армия в грязи. И в то время, в конце-то апреля, когда цвели фиалки на радостном первоцвете, и набухли сосцы у изготовившихся зацвести садовых почек, ударила пурга. Снежная. Обвальная. Завьюжило Украину. Завалило хаты до застрех. Завалило войска пришельцев - завоевателей, завалило и наше войско. Врагу - оккупанту иль погибать в чистом снежном поле, или выходить из окружения. И без техники, без боеприпасов, голодный, драный, сплошь простуженный противник пер слепо и гибельно сквозь снежные тучи, раненых в пути бросая, пер под пули, под разрывами мин и снарядов. Несколько дней длилась эта бойня, но остатки Первой армии из нашего окружения вышли, куда-то скрылись, утопли в снегах и взбесившейся стихии».

Письмо дотой: «Мы спали обморочным сном до тех пор, пока не пригрело нас ярким весенним солнцем, и друг мой вдруг начал щипать меня. «Ты чё, охренел?» - встревожился я, а он: «У тебя ж вчера был день рождения! Поздравляю!» - и щиплет, обормот, щиплет».

Ведущий: «Помкомвзвода Матюхин очнулся от воспоминаний. Под утро он кемарнул в своей ямке – окопчике. Не хотел, но вот не удержался. После того, как лейтенанта Климовского отвезли в тыл, он командовал взводом. Лейтенанту здорово не повезло в последнем бою: осколок немецкой мины хорошо-таки кромсанул его поперек живота: выпали кишки, неизвестно, спасут ли лейтенанта и в госпитале. Прошлым летом Матюхин тоже был ранен в живот, но не осколком –

пулей. Также натерпелся боли и страха, но кое-как увернулся от кощавой. В общем, тогда ему повезло, потому что ранило рядом с дорогой, по которой шли пустые машины, его ввалили в кузов, и спустя час он уже был в санбате».

Письмо детей: «Развлекали ранбольные друг дружку, как могли. Один гранадер с насквозь пробитыми легкими курил, и дым валил у него со спины из-под гипса – это ли не потеха! Кто ушами, кто насвистывал целый куплет здешней любимой песни «Распрягайте, хлопцы, коней». Но все же основные развлечения среди горемык, изнывающих от безделья, были разговоры про фронт, про баб, особенным успехом пользовались анекдоты и рассказы женатиков про женитьбу и про то, как немилосердно, наповал сражали «ихого брата» смелые, находчивые и хитрые истребители женского пола».

Ведущий: «Большинство тех баек окажется пустой болтовней, брехологией, сочинениями людей не особо гораздых на выдумку, но кто не хочет – не слушай, другим слушать не мешай. И не мешали, слушали, давили горе и боль изгальным смехом, потехами и юмором, нисколько, впрочем, по качеству не уступающим тем развлечениям, что показывают ныне трудящимся по телевизору во всем мире и у нас в России тоже никому в потехе тюремного и казарменного свойства не уступят. Ох уж эти потешки солдатские!»

Письмо детей: «В разговор вступил сапер, сперва долго мосты и переправы материл, затем тех, кто его в саперы определил. Обезножил он еще на Днепре, бродя осенью в холодной воде дни и ночи, кормят же при такой тяжелой работе – по скудной норме жиров и мяса дают, как тыловикам. «Все вон послушаешь, бабушкиным аттестатом удачно пользовались, и мы пользовались, когда время поспособствует, да какое у сапера время? На одной картошке поработай. потаскай бревна, железо и всякие тяжести... Хваленая водка не греет – ее, милую, пока до сапера довезут, поразбавляют в бочонках так, что она керосином, чем угодно пахнет, но градусов в ей уже нету».

- Вон, то ли дело летчики! Им и чеколады, и водка, и мясо – все! Нашелся человек из авиации.

- Не завидуйте,- сказал,- нашей жизни. У всех у вас есть главное – земля под ногами. А там? Там бывали такие моменты, что согласился бы все бревна перетаскать, середь льдин плавать и бродить, одной картошкой питаться. только чтоб она, земля родимая, под ногами была. но не гибельная пустота...

Привыкшие на передовой, в своих частях, при своей братве к свободе слова, калякали бывшие вояки о том да о сем».

Всплывший: «Из Краснодарского госпиталя был отправлен солдат в запасной полк, располагавшийся на окраине героического, впрах разбитого города Сталинграда.

Город был уже немного восстановлен и пробовал жить, по всем развалинам копошились люди, и дым шел из куч кирпичей, хоть и не очень густой, но все же живой.

На каком-то холмистом пустыре, со всех сторон обрезанном оврагами, уже собрано было и слеплено несколько казарм. В одну из них, еще строящуюся с другого конца, забранную посередке досками поселили сброд из госпиталей, пересылок, разного рода людям привитыми военными волнами к трагическому берегу, к разрушенному историческим землетрясением городу Лиссабону.

Сброду солдатскому в Сталинграде жилось глухо. Резервный полк ел клейкую пайку хлеба с вареной капустой, иногда каши половник перепал. Заставляли работать. Но какова кормежка, такова и работа. До обеда доходяги приносили из развалин на стройку два кирпича, которые добывали и очищали там наши же резервники, после обеда приносили уже по одному кирпичу, итого три кирпича в день. Тут же их, эти кирпичи, бригада каменщиков «сажала на раствор», продолжая казарму вдоль и вдаль. По мере сотворения сырого пегого солдатского прибежища передвигалась внутренняя перегородка, и тут же пространство заполнялось вновь прибывшим контингентом. Сперва солдаты лежали на полу, застеленным полынью и колючкой, растущей по оврагам, потом откуда-то брались доски и возникали нары».

Письмо домой: «Назначенный старшим десятка, как-то под вечер неспешно вел я свою команду, вооруженную кирпичом, и сам нес его под мышкой, озирая окрестности и редкую, уныло бредущую, даже ползущую по ним толпу бесцветных, вялых людей. Взял да запел: «Сколько их! Куда их гонят? Что так жалобно поют? Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают?...».

Послышались смешки, в массах работаг возникло некоторое оживление. Тут, в Сталинграде, слыл я уже «веселым солдатом», но я не был веселым, взвинченным был.

«Пой еще, солдат. Пой!» - попросили меня доходяги из моей команды. Я окинул взглядом лежащий внизу город, уныло одноцветный от пепла и пыли, неподвижный, вроде бы запланетный; светящуюся вдали лунным серпом широкую реку под названием Волга, никого и ничего в себе не отражающую, пустынную. Над рекой медленно и безразлично садилось усталое солнце, разливая вокруг себя лампадный свет. От солнца этого уже сейчас, ранней весной, веяло сохлостью, но не теплом, трава, едва пробудившаяся по взлобкам, утайкой пробующая зеленеть, редкие кусты над оврагами и по вымоинам не скрашивали, не заполняли, не пробуждали пережатой, оглохшей, мертвой земли, мертвого города. По оврагам давно иссохли, только зародившись, может, и не зарождались вовсе весенние потоки, сорила липким семенем прошлогодняя полынь, колючка, костистый низкий татарник, что так вот после потопа, сухие, бескровные, вроде бы и родились сто, а может, и тысячу лет назад, сорили семя на горячую золу извергшихся вулканов, на вывернутую, съезжившуюся от страха землю.

«Спускается солнце за степи, вдали золотится ковыль, - колодников звонкие цепи взметают дорожную пыль...» - сразу звонко и высоко взвился мой голос. Доходяги моего десятка, затем и разбродно бредущая по неровной полынной дороге толпа, давно уже разучившаяся петь и говорить нормально, сперва разрозненно, но все ладней, все пронзительней повела: «Идут они с бритыми лбами, шагают вперед тяжело-о-о...».

(Астафьев В. Веселый солдат // Новый мир. — 1998. - № 5-6; Быков В. «Катюша» // Звезда. — 1999. - № 5. — С. 10-12.)

«Сильные духом»

От советского

Индфортбюро: Успешно действует в районах Ленинградской области, оккупированных немцами, партизанский отряд «Буденновец» под командованием тов. Р. Узнав, что в одну из деревень прибыла группа фашистов во главе с полковником, партизаны совершили неожиданный налет на гитлеровцев и истребили 20 солдат противника, полковника и лейтенанта.

Партизаны - разведчики установили, что у селения С. немцы организовали склад боеприпасов. Группа советских патриотов, уничтожив охрану склада, взорвала 1300 снарядов, 16 ящиков взрывчатых веществ. Через несколько дней партизаны, разрушив железнодорожное полотно, пустили под откос немецкий воинский эшелон. В результате крушения движение на дороге было прервано в течение трех суток.

Только за последнее время партизаны отряда «Буденновец» взорвали 17 мостов, истребили 3 немецких офицеров, 56 солдат и 13 фашистских шпионов.

Несколько молдавских партизанских отрядов, действующих на железнодорожных коммуникациях противника, взорвали 9 железнодорожных мостов. За то же время партизаны пустили под откос десятки вражеских эшелонов с войсками, боеприпасами и снаряжением. В результате крушений разбито до 400 вагонов и платформ.

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Могилевской области, в начале декабря взорвал 5 немецких воинских эшелонов, следовавших к линии фронта. В результате крушений уничтожено 4 паровоза, 33 вагона с войсками и несколько десятков платформ с танками и автомашинами. Отряд минских партизан в конце ноября в течение нескольких дней вел бой с немецкой воинской частью. Советские патриоты уничтожили до двух рот гитлеровцев. Партизаны захватили орудие, 84 винтовки, 12 пулеметов, много боеприпасов и взяли пленных.

Вспоминание: «Мокрой туманной ночью девятнадцатилетний партизан Макаревич стоял на посту в ближнем охранении и сменился лишь на рассвете. Утром его не сразу разбудили, он запоздал с завтраком и не успел доесть остывшее в котелке хлебово, как послышалась команда на построение. Хватая оружие и вещички, в шалашах засуетились партизаны их «непобедимого и непромокаемого» отряда имени «надцатого съезда ВЛКСМ», неласково матерясь про себя по поводу входивших в отряде в моду неурочных построений. Действительно, с некоторых пор они почти ежедневно стресились – для смотров, политбесед, но больше для суровых накачек нового, не всегда трезвого командира отряда. Прежний командир был не такой, но прежний месяц назад погиб. Возвращаясь с разведгруппой из другого отряда, наткнулся на полицейскую засаду, их обстреляли, и шальная пуля, выпущенная в ночь наугад, сразила его. Все остальные вернулись живы - здоровы, а командира на другой день закопали. Скоро, однако, явился новый – где-то и кем-то назначенный, в отряде никому не знакомый. Партизаны, еще не успевшие пережить гибель прежнего, организовавшего этот отряд и год провоевавшего с ними, встретили нового молча и настороженно. Наверно, командир почувствовал это и затаил обиду».

Письмо домой: «Для начала он расстрелял начальника снабжения, бывшего бухгалтера сельпо. Но того, может, и стоило расстрелять за его темные делишки с местной полицией, а главное, за пьянство и наплевательское отношение к партизанскому пищевому довольствию. Затем, после ночной фальштревоги, командир собственноручно избил ротного Савчука, который вроде бы не выполнил его приказа об усилении бдительности – вместо шести ночных дозорных выставил четыре, пожалел партизан. Командир помешан на усилении бдительности и даже в пуще, где отряд размещался прежде и где на двадцать километров вокруг не было ни одного живого человека, окружал себя тройной цепью охраны. Но для столь высокой бдительности требовались люди, и партизаны нашего весьма скромного по количеству отряда изнемогали от непомерной тяжести караульной службы. Каждую ночь несколько десятков человек зябли и мокли в многочисленных заслонах,

секретах, дозорах, а днем вынуждены были отправляться за десятки километров на заготовку продовольствия, ликвидацию предателей из числа деревенских старост, уклоняющейся от партизанства молодежи, примаков и окруженцев».

Бегущий: «Придерживая на бегу винтовку, Макаревич поспешил в строй, который уже неровно вытянулся на мокрой с ночи полянке. В отряде он был еще новичок, воевал здесь первый месяц и далеко не каждого партизана знал в лицо, не то что по фамилии. Пока он бежал, перед строем появился командир, плотный, небольшого росточка кавалерист, в сопровождении черноволосого адъютанта. Времени искать свое место в строю у Макаревича не было, и он приткнулся на левом фланге шеренги, когда уже прозвучала команда «Смирно!». Скосив взгляд, увидел стоявшего рядом соседа – рослого, худого парня, которого прежде вроде не встречал».

Письмо домой: «Я – Довжик из Малых Довжиков, - сказал парень видимо любимым своим присловьем и улыбнулся. – Это мой дед так рекомендовался. Поехал в Питер, ни документов, ни знакомых. Обращаясь к городовому или там к дворнику, перво - наперво говорил: «Я – Довжик из Малых Довжиков», - и очень удивлялся, что те не понимали. Потом дома шутил: «Что за темный народ! Где Довжики не знают. У нас любого мальчика спроси: где Довжики? Скажет: там Довжики, где Довжики живут». У нас же все Довжики».

Бегущий: «Из дальнейшего разговора выяснилось, что Довжик старше Макаревича на год и перед войной окончил десятилетку. Следующий момент биографии был самый, может быть, важный – их партизанский стаж. И тут оказалось, что Довжик партизанит почти полгода, все в этом же отряде, что он тут знает всех, помнит всех командиров».

- Знаешь, прежний командир был не такой. Молчун был. Для него главное» было – разведка. Каждую ночь гонял мелкие группы на разведку. Но зато и знал, что вокруг. Где сколько полицейских, кто старосты. И постепенно отстреливал всех. Всех предателей и

прислужников. Теперь, попробуй, найди кого. Остатки в райцентр смылись. Ребята пойдут на заготовку продуктов – не у кого взять. Приходится рядовых колхозников трясти. Жрать же надо».

Мыслью детей: «Целым соединениям партизан надо было чем-то кормиться, чем-то отапливаться, согреваться, обстириваться и обмываться, стрелять и вооружаться, лечиться, бинтоваться. И черной грозовой тучей, все пожирающей, саранчой плыло по земле партизанское войско, в котором, конечно же, было всякого «элементу» хоть пруд пруди. Не очень-то наши партизаны разбирались, где «свои», где «чужие», где «наши», - мародерство, грабеж, насилие переполнили чашу терпения крестьян, они взялись за оружие».

Взвущий: «Макаревич посмотрел на винтовку Довжика – обычный немецкий карабин с загнута рукояткой и какими-то зарубками на ложе. Макаревич сосчитал зарубки, их было семь, но чей это был счет – не понять. На длинной винтовке Макаревича никаких меток – зарубок не было. Полой своей фезеошной куртки он вытер ржавый затвор, из прецельной колодки выдул набившийся туда сор. Он тоже хотел достать себе такой вот карабин, но недавно погибший политрук Лучинин не раз посрамлял тех партизан, кто был охоч до немецких трофеев и немецкого оружия. На политинформациях он горячо доказывал преимущества нашей винтовки – и безотказная, и зимой не подводит, и в рукопашный с ней лучше – дальше штыком достает. Может, и так, думал Макаревич, но почему тогда у командиров немецкие автоматы и пистолеты тоже. Особенно ему нравились парабеллумы с тонким стволом и удобной рукояткой.

- Винтовку где достал? В отряде? – спросил он Довжика. Довжик ответил не сразу, после паузы, будто вспоминая что-то».

Мыслью детей «Отряд тогда базировался по ту сторону, за железкой, в Волчанском лесу. Пришли мы с Колькой Терехом в этот отряд... Почему в этот? Какой подвернулся, в тот и пришли. Задержал дозор, привели к командиру. Кто такие? Хотим в партизаны. А где оружие?»

Оружия нет. У нас для вас тоже нет, добывайте сами. Как добыть? Убейте немца и возьмите оружие. А как его убить, если сами без оружия? А это уже как хотите. Не можете убить, задушите. Оглушите, утопите. В общем, два часа вам сроку на размышления. Сидим под сосной, размышляем. Становится ясно, что без оружия мы им не нужны. но они нас не отпускают, потому что мы их рассекретили. Но что же нам делать? И тут снова зовет командир. Бы откуда, спрашивает. Ну, с Малых Довжиков. В школу, в местечко ходили? В местечко. Учительницу Петрокевич знаете? Знаем, немецкий у нас вела. А теперь, знаете, кто она? Нет, не знаем. Немецкая переводчица, вот кто. Пойдете с Лизюковым и ликвидируете ее. Тогда получите оружие. Черт возьми! Вот это задание! Да еще безоружным. А Лизюков этот – двухметровый громила со сросшимися на переносье бровями. Из окруженцев или примаков, тоже почти новичок в отряде. Потом уже я понял, что вообще дело было не в оружии – они нас проверяли. Ну, пошли мы в местечко. Вроде как под конвоем Лизюкова. Правда, он дороги не знает, все-таки мы ведем. Оно недалеко, а всю ночь шли. Хотя ночи короткие были, как раз на Ивана Купалу. Чудно – идут ученики свою учительницу казнить. Я-то у нее недолго учился – два года, а Коля четыре – с пятого по девятый. Скверно все, но я себя уговариваю: правильно! Переводчица – значит, предательница. Зачем пошла к немцам? А раз предаешь – получай пулю. И все-таки страшно... Первый враг – и такой странный, учительница. А что делать? Не можем же мы отказаться. Убежать, может, и смогли бы, но как же тогда партизаны? Перед рассветом подошли к местечку, перелезли через речку. Идем по скошенной траве, туман легкий стелется. Знаешь, тут совсем стало мне страшно. Я себя выругал: трус! Если трусишь, тебе не жить. Понял? Кое-как взбодрился, вроде подействовало. Подошли с огородов, перелезли через одну изгородь, через другую. Ориентир – журавль над колодцем. Уже рассвело, не совсем, правда. Боимся, хоть бы на собаку не налезть. И как раз налезли. Малая, а брехучая, так залилась. Но и нужный нам двор – вот он. А как войти? На собачий лай, вижу, в окошке старуха из-за занавески выглядывает. Подхожу к окну, Колька с Лизюковым по обе стороны стали. Говорю старухе: Римма Арнольдовна дома? Это

ее ученик, Довжик Володя. Старуха скрылась, через некоторое время занавеска опять отодвигается – учительница. Здравствуйте, Римма Арнольдовна, говорю. А это уже сигнал Лизюкову. Тот из винтовки – трах! – стекла посыпались, крики в хате. Ну, а мы – дай бог ноги... Только в лесу остановились. В тот же день к вечеру получил винтовку».

Ведущий: «Макаревич молчал. Он не знал, как отнестись к услышанному. Все-таки, наверно, надобны крепкие нервы, чтобы убить учительницу, хоть и немецкую прислужницу. Видно, Довжик, думая о том же самом сказал:

- А вообще-то паскудное дело.

- Наверно, паскудное, - согласился Макаревич. – Особенно если учительница была хорошая».

*(Быков В. Довжик // Знамя. –1999.
- № 7. – С. 42-56.*

*Астафьев В. Веселый солдат //
Новый мир. – 1998. -№ 5-6.)*

«Полюби меня, солдатик...»

От советского

Лидер-бюро: В течение 8 декабря западнее и юго-западнее КРЕМЕНЧУГА наши войска, преодолевая сопротивление и конратаки противника, продолжали наступление и овладели районными центрами Кировоградской области ЕЛИЗАВЕТГРАДКА, НОВАЯ ПРАГА, а также заняли населенные пункты СЕМИГОРЬЕ, ОНОВО, МИХАЙЛОВКА, СВЕТЛОПОЛЬЕ, ГРИГОРЬЕВКА и железнодорожную станцию ШАРОВКА. Таким образом, железная дорога ЗНАМЕНКА – НИКОЛАЕВ, ЗНАМЕНКА – КРИВОЙ РОГ перерезана нашими войсками.

В излучине ДНЕПРА юго – западнее ДНЕПРОПЕТРОВСКА наши войска вели бои местного значения, в ходе которых овладели несколькими сильно укрепленными опорными пунктами противника.

В районе северо – восточнее ЧЕРНЯХОВА наши войска вели ожесточенные бои с противником, в ходе которых нами оставлено несколько населенных пунктов.

На других участках фронта – разведка и артиллерийско – минометная перестрелка.

В течение 7 декабря наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 96 немецких танков, из них 84 в районе северо – восточнее Черняхова. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 19 самолетов противника.

Вздуцкий: «Комбат у них был царь и бог, он распоряжался всеми – рядовыми и сержантами, а также двумя лейтенантами – командирами огневых взводов. К тому же в батарее он был старше всех чином, а также возрастом, руководил стрельбой во время бомбежек, получал команды от начальства. Разумеется, все девушки - прожектористки были влюблены в него, хотя рослый, видный из себя комбат будто бы и не выделял никого своей особой симпатией. Но Нина Башмакова все же чувствовала особенность его отношения к ней и – ждала. Ждала даже, когда самая симпатичная из них, Света Горепашкина, открыто призналась, что влюблена в комбата и он знает о том. Нина надеялась, и ее надежды в конце концов сбылись. Однажды, когда она дежурила ночью, он пришел вроде для проверки поста, присел с ней на бровке и поцеловал ее. Она тогда как будто помешалась от счастья, когда только было возможно любовалась им вблизи и издали, следила за каждым его движением на батарее. А потом пришло время встреч – тайком, в темени ночи. Но, по-видимому, негодным богу оказалось их коротенькое фронтовое счастье. За шесть дней окружения батарея была разгромлена, не осталось ни прожектора, ни орудий. Сержант Горепашкина в последнем бою осталась распластанной на бруствере с осколком в груди и окровавленным затылком, погибли оба их командира взводов. От всех зенитчиков вчера осталось пятеро, а потом, когда они перебрались под огнем через шоссе, оказались вдвоем – она и комбат. Где остальные, наверно, уже не узнать».

Листок уютой: «Мы бежали в огненной пляске трассирующих очередей из немецких танков, лежали в земляном смерче бомбежек, проползая по ночам через немецкие позиции, теряя при этом своих и чужих бойцов и командиров. И девчат. Этих милых, наивных патриоток, что недавно еще осаждали тыловые военкоматы, приписывали себе недостающие годы рождения, плакали и просились, чтобы как можно скорее послали защищать родину. В этот бесконечный фронтовой бардак, огонь, кровь и смерть. Сколько их, растерзанных бомбами, расстрелянных из пулеметов, скровавленных, умирающих в окопной грязи, осталось там, на плацдарме. Только эту милую наивную Башмакову и вывел. Но хорошо, что вывел».

Безущий: «Любовь у них была молчаливая, жаркая, она сразу хмелела от прикосновения его требовательных рук и его грубоватой ласки и, наверно, не уходила бы от него, если бы не скорый рассвет. Как только начинало светать, торопливо совала босые ноги в остывшие за ночь сапоги и мчалась на пригорок, где размещалась их прожекторская позиция. Потом ждала. Дежурила, сидела в боевом расчете, ухаживала за матчастью, и все мысли ее, все воспоминания уходили за овражек, на батарейный КП, где оставался он. Так хотелось, чтобы он пришел к их прожектору, чтобы снова увидеть его, может, перекинуться словом. Как-то на склоне дня он и в самом деле наведалься к прожектористкам, старшая Дуся Амельченко отрапортовала, он ничего не сказал ей, обошел прожектор, молча потрогал ногой толстые жгуты проводов и ушел. Она помрачнела сразу, ушла в землянку и долго лежала с закрытыми глазами. Не набылась они с ним, не налюбилась – все ждала – жаждала, но не было как, не хватало времени. И так до разгрома, когда они очутились вдвоем».

Листок уютной: «Каково на фронте-то нашему брату? В грязи, в холоде, среди мужичья... А госпитальным сестричкам, няням надо бы посередь России поставить памятник из золота, не только за то, что они лечили, грязь и вшей солдат обирали, но и за то еще, что помогли им мужчинами снова стать. Ну еще раз прошу: не думайте о девчонках и

обо мне дурно. Конечно, зацепило кой-кого на боевых путях... Но, клянусь тебе, половина, если не больше, наших девчонок таскают свою перезрелую невинность, как чугунную гирию, - не каменные ведь, и любви им хочется».

Письмо донной: «Наши» девочки, стыдливо натянув на колени юбочки, сидят с нами на траве и печально смотрят на нас. Сколько они уж проводили таких вот, как мы, подбитых орлов на излечение и на небеса и еще проводят, а вот по приветчавости и доброте русского бабьего характера привязываются к «своим мальчишкам», присыхают, будто к родным».

Ведущий: «Комбат Колесник выходил уже из третьего окружения и кое-что в том понимал. Из первого выбрались большой группой под минометным и пулеметным огнем, лезли напролом, лишь бы как, надеясь на авось, на то, что повезет. Многие полегли там, на хвойной опушке и особенно после, на травянистой пойме возле реки. Некоторым повезло, в том числе и Колеснику. Не зацепило ни пулей, ни осколком... Зато месяц потом просидел на фильтрации – писал объяснения, отвечал на допросах в особом отделе, заполнял анкеты. Как-то, правда, обошлось, хотя подозревали в худшем, особенно насчет батареи. Вроде он ее бросил. Хорошо, что нашелся свидетель, майор из штаба армии, который подтвердил все, что комбат показал в своем первом объяснении. Поверили и снова послали на батарею, в которой пришлось повоевать ровно один месяц. И снова – окружение, разгром. Выбирались мелкими группами ночью. Тогда им повезло – удалось нащупать прореху между соседними немецкими частями, в которую и проскользнули, разве что без матчасти. Орудия накануне подорвали, потому что двинулись в обход, по болотам и бездорожью, с ранеными, четырех из которых несли на самодельных, без жердей, носилках. В тот раз Колесник искренне пожалел, что не погиб в бою, что вышел, потому как дело его оформили в трибунал, и он неделю просидел без ремня под арестом. Да все-таки что-то там у них переменилось или, возможно, дело повернуло в иную сторону, и его срочно направили в батарею, оставшуюся без

командира. Принимать батарею пришлось на переправе, к которой он бежал под огнем, но не из самолетов – из танков, уже прорвавшихся к переправе. Тогда бог его миловал, танки отбили, а батарею перебросили на правый фланг армии – на плацдарм, где она и осталась. Лишь они вдвоем уцелели».

Лисья догой: «Конечно, погибнуть я всегда боялась, но, может, больше, чем гибели, боялась плена. Была уже наслышана, как поступают немцы с пленными, особенно девушками – это было похуже смерти. Может, потому за весь этот путь к спасению берегла единственную свою «лимонку», что неудобно болталась при ходьбе в кармане юбки. Граната не для немцев, это была граната для себя. В последний свой час».

Вздуший: «Колесник тем временем понял, что вроде бы наступал момент, к которому они стремились. Чувствовалось почти определенно, что за теми придорожными столбами, может немного поодаль – наши. Он так стремился туда и даже порой терял веру, что она осуществится. Теперь последний рывок, и они среди своих. Но что после?»

- Нераненным туда выходить нельзя, - сказал он.

- Как?

- Так.

- Что?

- Не понимаешь, что? Хотя ты первый раз... Слушай! Вот тебе автомат! – прежде чем передать ей свой ППШ, щелкнул переводчиком, ставя его на одиночные выстрелы. – Держи. Наведешь мне на руку и выстрели.

Не до конца понимая его, она ослабевшими, ватными руками взяла оружие. В ее расширенных глазах застыли испуг и удивление. А он, отойдя шагов пять, вытянул над бровкой капонира левую руку.

- Ну!

- Что – стрелять? – беззвучно промолвила она одними губами.

- Стреляй, ну! Только скорее...

- А я?

- Можно и тебе. Если хочешь. Ну!

Он требовательно ждал, застыв возле земляной стены капонира с откинутой в сторону левой рукой в заношенном рукаве гимнастерки с двумя латунными пуговичками на манжете. Его симпатичное чернявое лицо, как всегда, внушала решимость. А в ней поднималось внутри что-то черное и злое, и в мыслях стучало одно только слово – *предатель!*

- Ну что ты? Давай быстро! Некогда...

Захлебнувшись от непонятого взрыва обиды, она передернула металлический шпенек на автоматический огонь и подняла автомат.

- Пониже локтя. Я стерплю...

«Не стерпишь!» - сказала она себе в мыслях и решительно нажала на спуск. Недлинная очередь брызнула несколькими пулями, взбив возле комбата пыльные комья земли. На подогнутых ногах Колесник сполз по откосу наземь и застыл, неуклюже согнувшись. Показалось, он что-то сказал ей, но она не поняла что – она даже и не взглянула на него. Наверно, какое-то время он еще жил, подергивая головой, а потом затих, будто окончательно смирившись с происшедшим».

*(Астафьев В. Обертон // Новый мир.
- 1996. - № 8. - С.3-52;*

Быков В. Зенитчица // Звезда. - 1999. - № 5. - С. 15-21;

Астафьев В. Веселый солдат // Новый мир. - 1998. - № 5-6.)

«Ради могущества Германии!!»

От советского

Лиффордiero. В боях в районе г.Калинина наши части захватили в плен большую группу немецких солдат. Обширная переписка, найденная у пленных, говорит о все возрастающем недовольстве народных масс Германии войной против Советского Союза. Ефрейтор Людвиг Цикмунд получил недавно письмо от матери из Лейпцига. Вот что она пишет: «Стряслось великое несчастье. Я потеряла своего старшего сына, а ты

брата. Целый месяц от него не было писем, а три дня назад получено официальное уведомление, что наш Генрих убит под Петербургом. Какое страшное горе. Эта ужасная война сломала, исковеркала всю нашу жизнь... Люди, у которых вместо сердца камень, лицемеры пытаются утешить нас, матерей, потерявших своих детей. Нам говорят: «Радио сообщает о новой победе, германская армия захватила еще один город». Тошно слушать такие речи. На что нам чужие неизвестные города? Теперь ты у меня остался один, и я больше всего боюсь тебя потерять. Пошлют тебя занимать какой-нибудь город, и ты погибнешь, как Генрих, как многие другие».

Жена солдата Тяльмута Фишера из Ганновера пишет: «В городе появилось очень много калек. Везде встречаются безрукие и безногие. Это инвалиды войны. Представь себе, им даже завидуют. Они потеряли руку или ногу, а другие отдали жизнь. В городе стало очень много вдов и сирот. Все мы против войны. Может быть найдется несколько десятков болванов, желающих воевать. Таким нечего сидеть в Ганновере, пусть себе идут воевать, лишь бы нас оставили в покое». Отец ефрейтора Теодора Лоренцо жалуется на трудность с продовольствием и заключает: «Теперь никто уже не радуется победам. Люди гибнут без конца, за что? Во имя чего? Туманные ответы на эти трудные вопросы уже никого не удовлетворяют».

Ведущий: «Все понемногу сходили с ума, да иначе и не выжить, потому что никто не мог понять, кто кого окружил или прижал к реке; и на том, русском берегу тоже, конечно, спятили; чей-то самолет (то ли русфанер, то ли свой) разбросал над замерзшими болотами двуязычные листовки: «Мы в кольце – и вы в кольце, но еще посмотрим, что будет в конце!» А конец известен: пол-ящика патронов на брата, ни одной мины, последняя лошадь разрублена еще в феврале. От некогда грозного и веселого 712-го пехотного полка, брошенного к этой реке в январе, осталась сводная рота, занявшая круговую оборону, - та же судьба, впрочем, постигла и тот русский полк, что сейчас голодал в ста пятидесяти метрах от штабного блиндажа.

Рация давно уже не работала, а мешки, что изредка сбрасывали ослепшие, что ли, самолеты, плюхались на русский берег, и большевики жировали на дармовщинку».

Письмо домой: «Русские получили неожиданный подарок от «хейнкеля», мешок с почтой, и издевательским хором излагали письма, доводя кое-кого до бешенства, передавали приветы и прекрасные вести из прекрасного далека. «Эй, фрицы!» – так обычно раздавалось с наступлением темноты, и выкрикивалась фамилия. Молчание означало: такой убит. Другая фамилия звучала, третья, пока не откликнулся тот, письмо которому лежало на русской стороне. «Дома у тебя нихт орднунг, корова сдохла!» – гоготали азиаты. Несколько вечеров потешались, потом их уломали, призвали к благоразумию, крикнули, что если рус-фанер ошибется и мешок с почтой полетит на этот берег, то... И через реку стали перелетать вполне правдоподобные известия, прерываемые как бы извиняющими уточнениями: «А дальше цензурой вымарано...» В один из вечеров русский берег разразился ревом проклятий: «Курт Сосновски услышал, что жена его приобрела по дешевке трех русских баб для работы на полях. «Адрес известен! – угрожали русские. – Доберемся до твоего села, каждую нашу женщину спросим, сколько раз била их твоя баба, и кранты ей, а тебя-то мы точно отсюда не отпустим, воткнем голову в болото, чтоб ноги торчали!..» Курт, ослабевший до того, что автомат из рук падал, взбеленился и метнул гранату через реку, метров на сорок...».

Взвущий: «Бывали дни без единого выстрела. Где-то на юге готовится мощное наступление или контр наступление, и все силы брошены туда. А на их болотистый край с неопределенной линией фронта плевать хотели в обоих штабах.

Всего пятнадцать человек осталось в роте. Всех, кто успел вывернуться из сталинградского котла, поначалу хотели отправить в отпуск после фронтового госпиталя, но грянул трехдневный траур, растревлять душу нации начальство не решилось, всех сталинградцев

определили в тыл, а тылом оказались эти болота, которые похуже русских танков, выползавших из снежной мглы в конце ноября прошлого года».

Письмо домой: «Да, у русских появился патефон, причем иваны крутили пластинки как бы по заявкам, возмущенный свист другого берега понимался ими правильно: ставь другую! Хорошо принимались народные песни про Волгу, и солдаты пускали слезу по павшим и плененным в сталинградском котле, солдаты горестно мычали под мелодию странной песни про темную ночь и пули, свистящие над головой».

Ведущий: «Почти пять месяцев эта рота обороняла никому не нужный участок фронта; стопка карт, испещренных значками, повествовала об изнурительных боях, о болотных километрах, преодоленных ползком, о сутках, наполненных перестрелками и вылазками, о вшах, о ночах страха, но в конечном итоге сводилась к нескольким цифрам. Одну тысячу семьсот сорок одного человека насчитывал в январе 712-ый полк, а к 16 июня он уплотнился до пятнадцати солдат и одного офицера; убитыми, ранеными и пропавшими без вести, то есть пролитой кровью, измерялись глубины окопов, квадратные километры оставленной или приобретенной территории, чередование атак и затиший, застрявшие вездеходы, утопленные или сожженные грузовики, расставленные где попадая мины. А капитан Рудольф Рикке высчитывал, сколько же будет убито русских и немцев до того, как наступит мир, и жена родит ему сына, которого он не отправит в пехотное училище – ни в Мюнхене, ни в Гамбурге, ни в Потсдаме».

Письмо домой: «Почему люди убивают друг друга и с какой стати немцам надо стрелять в русских: Видимо, тем и другим жить на земле вместе нельзя, ибо у них разные крови: у русских – русская, у немцев – немецкая, да и по новым законам смешивать эти крови запрещено, возбранены браки между арийцами и славянами».

Ведущий: «Капрал Альберт Кёллер был родом из города Аахена. Он держался с достоинством, несмотря на то, что в комнате находилось множество советских офицеров и иностранные корреспонденты. Кто-то из корреспондентов поинтересовался, почему он воюет с русскими. Кёллер был явно удивлен:

- Я солдат. Я иду туда, куда меня пошлют.
- Ради чего вы сражаетесь?
- Ради могущества Германии!»

(А.Азольский *Кровь // Дружба народов.* – 1998. - № 3. – С. 8-61.)

Вот и кончилась война...

От советского

Лидер-бюро: Войска 1-го Белорусского фронта продолжали вести бои на улицах Берлина. Противник, зажатый в центральных кварталах города, упорно сопротивляется. Гитлеровцы ведут сильный огонь по перекресткам улиц и домам, уничтожая при этом мирное население города. Наши части, овладевшие вчера городским районом Моабит, переправились через реку Шпрее в восточной части парка Тиргартен и заняли здание министерства внутренних дел. Немцы предприняли отчаянную попытку восстановить положение. Наши пехотинцы в ближнем бою разгромили противника, достигли Цельтен аллеи, а затем предприняли штурм здания германского рейхстага с запада. Одновременно наши части, вышедшие на набережную Рейхстагс – Уфер, ворвались в рейхстаг с севера. Бой продолжались, не стихая, зсю ночь. Сегодня, в 14 часов, советские войска овладели зданием немецкого рейхстага и водрузили на нем знамя победы.

Письмо домой: «- Братья славяне! Войне конец!

На огневой все моментально замерли, пораженные радостной новостью. Это же надо – кончилась война, и ты жив, тебя не убили! Теперь ты

будешь жить долго - долго. Не будешь дрожать, дожидаясь последнего, твоего разрыва, не будешь мерзнуть зимой, изнывать на солнцепеке летом, голодать и переживать несправедливости начальства. Ты вернешься домой, снова увидишь маму, встретишь свою любовь, которая даст тебе законное право на счастье. Конец войне!...»

Ведущий: «Когда молодой, да и не молодой человек тоже уходит из-под устоявшегося «духовного контроля», от наблюдений тяти-мамы, от постоянного нравственного «гнета», от школ, от учителей, от «хорошо» и «плохо», от надоеденных «можно-нельзя», от младших братишек и сестреноч, которым надо подавать «пример», от дедушки с бабушкой, от их ворчания и поучительного ремешка, от того, как есть – пить, сидеть и лежать, вести себя среди людей и в лесу, на пашне и в огороде, на деревенской вечерке и в клубе, во Дворце культуры, на танцплощадках, а то и в церкви, окруженному со всех сторон то Богом, то Пушкиным и Лермонтовым, то Толстым и Некрасовым, то Суриковым и Нестеровым, то Петраркой и Дантом, то Сервантесом и Шекспиром, то Чайковским и Бахом, то Бетховеном и Мусоргским, то просто деревенским грамотеем и гармонистом или уж на весь городской двор известным шахматистом, футболистом или математиком, уходя или вовсе уйдя от всего этого как бы растворенного в воздухе человека, постоянно дышащего спертым «кислородом», который в окопах выгорает, заменяется непродышливо – заразной атмосферой, - кровь постепенно начинает чернеть, густеть, закупоривать вены и извилины в башке. Вернуть изначальный состав крови, становиться самим собой очень трудно – для немалого числа фронтовиков это дело оказалось непосильным. К зверю ближе, а к человеку, веками трудно пестуемому, при его-то упорном сопротивлении, - далеко, и очень, вот часть фронтовиков и подались к зверям».

Письмо дяде: «Но я тоже не кадетский и не царский и не царский и не «тюр – люм- тюм – тюм – тюм...», как виртуозно пел питерский бильярдист Дымба в не менее виртуозном исполнении любимого всеми артиста Жарова. Увы, я насквозь советский по рождению, по воспитанию и по гонору. Привык вот, и быстро привык, есть лежа на боку или стоя

на коленях из общей, зачастую плохо или вовсе не мытой посуды, привык от весны до осени не менять белье и прочую одежду, месяцами не мыться, иногда неделями и не умываться, привык обходиться без мыла, без зубной щетки, без постели, без книг и газет, без клубов и театров, без песен и танцев, даже без нормальных слов и складных выражений: все слова заменены отрывочными командами, необходимым минимумом междометий для объяснения между собой и командирами, необъятного моря матерщины, грубостей, скабрёзностей, военного жаргона, во многом заимствованного у подзаборников, урок и всякой тюремной нечисти, - все это как раз и соответствовало тому образу существования – жизнью это назвать нельзя, преступно, постыдно, античеловечно называть это жизнью.

Мне все придется собирать заново – начинать жизнь, биографию и даже любовь. Учиться надо. Учиться, учиться и учиться, как завещал Ленин. Не обязательно грамоте, не обязательно в университете, на курсах каких-нибудь, профессии обучиться бы, с помощью которой возможно добывать кусок хлеба. А там время покажет. Жизнь куда следует направит.»

Ведущий: «Села, как и люди, оживали от войны по-разному. Иное село тут же после отступления оккупантов начинало струить дымки из печей, возле побитого жилья уже сложены в кучу мало битые кирпичи, древесная ломь на топливо, горелые доски, выпрямленные гвозди и скобы, угольники стекла. Кто мог, копал землянки под жильё. Чумазые ребяташки просили у солдат хлеба, из сожженного бурьяна выметывался петух, преследуя курицу, - единственная пара, уцелевшая в селе. Петух непременно настигал убегающую курицу и, справив свое петушиное дело, привстав на цыпочки, упоенно орал: «Вот так, братья по разуму, надо возобновлять живое поголовье, вот так надлежит порушенную жизнь восстанавливать!»

Листок доной: «Конечно, очень трудно, но духом люди не падают, надеются на лучшее. Недавно целый отряд девушек прислали, репрессированных. Угоняли их в Германию. Домой отчего-то пока не

пускают, да у многих никакого дома и нет – потерялись они в миру. А девушки хорошие, работают они безотказно, только очень уж запуганы. А красавицы как на подбор! Это ж надо, как фашисты умели сортировать людей! Для тяжелых работ, для оборонного дела, для утех и забав – все расписано, всему нормы и стандарты определены! Хозяйство, конечно, восстановим, жизнь какую-нибудь наладим. Но как с девушками-то? Кому они нужны с переломанными-то судьбами, где-то уже расхристанные. Вечер настанет, запоют в красном уголке, за стенкой, - хоть в лес убегай... »

Ведущий: «Изабелла, прежде чем запеть, демонстративно выдернула заколку, и сиреневая материя опала на ее плечи, обнажив шею с голубыми жилками, голову с едва отросшим, воронью отливающим волосом. Не знала Изабелла, что прическа ее с остро выхваченными клочками волос – прическа невольника – лет через тридцать делается модной и русские дамы и девки, не ведая, чего бы еще с собой сотворить, чем себя выделить, сделаются похожими на недавно выпущенных из тюрем зечек.

Изабелла же демонстрировала безобразие свое, совершенное над нею унижение. Уже на наших контрольных пунктах, борясь с швистостью, обкорнали всех невольниц, «из оттуда» возвращающихся, мстили им за то, что они служили врагу, развлекали в бардаках и казармах гитлеровских молодцов в то время, когда советское воинство истекало по окопам и землянкам спермой от онанизма. Уж унижать человека – так унижать: сперва уничтожить его оболочку, потом и до души добраться. Лесопильное племя гнуло к земле, растапывало всякие зачатки человеческого достоинства, с особым сладострастием терзало оно беспомощных, несчастных женщин. С каким нетерпением девчонки рвались «домой» из неволи, хотя многие из них и не знали, уцелел ли дом. Остался ли кто в этом доме или хотя бы на этом свете? Но Родина-то, край любимый, люди, русские, украинские, кавказские, - они же есть, и разве они не пожалеют, не простят ни в чем не повинных девчушек, ведь не они бросали армию и Родину, это армия и Родина бросила их на произвол судьбы? Чужеземцы – оккупанты, творя

вселюдное зло на завоеванных землях, делали с людьми все, что хотели. Но на пути домой встали стеной так называемые органы, где орудовали орлы похлеще гестаповских костоломов. Прошедшие сквозь жалости, не знающие контроли и проверки, уже в советских пунктах, на казенных нарах, девчонки «обслуживали» родных хозяев. Сламывались, кончали жизнь под колесами поездов или в петле, но большей частью искупали «вину» трудом».

Письмо домой: «Померкла для меня недавно еще радостная победа. Кажется, я выпал из времени, перестал ощущать себя. Меня обманули. Люди, судьба или война.

Раньше я думал, что кроме всего прочего, война все-таки великая школа, и я кое-что понял о войне. Даже в ее последние дни. Прежде всего, что ничего не надо бояться. На войне тебе ничего не сделают, кроме как убьют или ранят. И то и другое чересчур просто. Кажется, однако, только после войны твою жизнь могут превратить в пекло. Когда не захочется и жить».

Ведущий: «И вот он выжил и вернулся.

После тяжелого ранения, плена, чудовищных армейских шталагов и не менее страшных концлагерей он вернулся на родину – без воинского звания, без партбилета, с измученной душой, но живой. И тут встал вопрос: стоило ли возвращаться? Не лучше ли было бы, как многие миллионы, истлеть в земле или превратиться в лагерный пепел? Так нет – выжил. И кого тем осчастливил?..

Жестокая военная судьба отнеслась к нему наиболее хищно – мало ему было всех прежних бед, так она уготовила ему еще и арест. Не взяли год назад в фильтрационном лагере под Дормтшадтом, так спохватились теперь. А может его использовали как приманку? Поступали же так с теми, кого подозревали в сотрудничестве с немцами. Он не сотрудничал, но подозревать могли каждого, кто находился в плену. Хотя кого он мог приманить? Ждали, пока успокоится? И он действительно стал успокаиваться, вращать в мирную жизнь: нашел квартиру, устроился на работу и даже получил продуктовые карточки. И тогда взяли».

Лисьно домой: «Нет, все-таки, наверно, сто раз был прав тот особист-следователь, который допрашивал меня после английской зоны, - почему не застрелился? Почему сдался? Сперва удивил этот каннибальский вопрос, даже смутился, стал что-то объяснять про ранения и обстановку. Но теперь, в бараке, после четвертого или пятого допроса подумал: а в самом деле! Не лучше ли было застрелиться? Тогда или, может, теперь? Но тогда был пистолет, а теперь ничего не было, как застрелиться?»

Везущий: «Катил солдат с войны домой аж в купейном вагоне. Поезд, постояв в раздумье, вдруг дернулся и стал набирать ход; в тамбур влетел молоденький, будто вешняя птичка, красивый, нарядный и радостный младший лейтенант, сверкающий белью зубов, пряжкой нового ремня, новой портупеей, новыми хромовыми сапогами; представился распространенной на Урале фамилией – Радыгин.

Младший лейтенант весь кипел от какого-то нетерпения, нерастраченных сил и энтузиазма: он не успел повоевать, не успел отличиться, погеройствовать, сразиться с врагом – и вот уже домой...

Когда солдат сказал ему, чтоб он не жалел об этом, что ничего там, на войне, хорошего нет, он не захотел ни понять, ни поверить солдату – его назначение, наивысший смысл жизни виделись ему в битвах, в удачных делах, в прорывах, в прорывах!..»

Лисьно домой: «Ох-хо-хо! Каким я был стариком по сравнению с ним, с Радыгиным, хотя и старше его всего на два года. Какой груз я вез в своей душе, какую усталость, какое непреодолимое чувство тоски и печали, неизвестно когда и скопившихся! Как жить с этим грузом? Куда его девать? Кому передать, чтоб облегчиться. Не возьмет ведь никто – ненужный это, обременительный груз. А больше у меня ничего нету, пара белья, портянки – даже шапки нету».

(Астафьев В. Веселый солдат // Новый мир. – 1998. - № 5-6; Астафьев В. Обертон // Новый мир. – 1996. - № 8. – С. 3-52; Быков В. Очная ставка // Знамя. – 1999. - № 7. – С. 31-42.)
Быков В. Полюби меня солдатик // Дружба народов. – 1996. - № 6. – С. 6-38.)

О-о, война, о-о, бесконечные тяготы и бедствия российские! Только они объединяют наш народ, только они выявляют истинную глубину его характера, и плывем мы устало от беды до беды, объединенные жаждой добра.

О-о, русская доля, которую в старину называли точнее – юдолюю, где же то, кто наслал ее нам? И за что он ее нам наслал и насыляет? Ведь без причины ничего на этом свете не происходит.

Список литературы

1. Азольский А. Кровь // Дружба народов. – 1998. - № 3. – С. 8-61.
2. Астафьев В. Веселый солдат // Новый мир. – 1998. - № 5-6.
3. Астафьев В. Обертон // Новый мир. – 1996. - № 3. – С. 3-52.
4. Быков В. Очная ставка; Довжик // Звезда. – 1999. - № 7. – С. 31- 56.
5. Быков В. Политрук Коломиец; Полководец; «Катюша»; Зенитчица // Звезда. – 1999. - № 5. – С. 6-21.
6. Быков В. Полюби меня солдатик // Дружба народов. – 1996. - № 6. - С. 6-38.

Составитель В. Арсентьева
Ответственный за выпуск Новопашина Т.Х.

- © Идея, составление,
В. Арсентьева, 1999г.
- © Компьютерный набор,
В. Арсентьева, 1999г.
- © Верстка, макет,
В. Таушканова, 1999г.

Свердловская областная межнациональная
библиотека

620146 г. Екатеринбург, ул. Бардина, 28

(3432) тел./ факс 43-17-00, 28-44-23.

А. 21, 42, 43, 46, 76.
Т. 11 (ост. Чкалова)

E-mail: somb@somb.ru
<http://www.somb.ru>